

Оригинальная статья

УДК 1.16

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-41-52>

Соотношение феноменологических черт восприятия с семантикой сингулярных термов в контексте установок вкуса и желания

Мария Васильевна Шкаброва

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,*

*Русское общество истории и философии науки, Москва, Россия,
rojerdeep@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4335-0476>*

Введение. Исследование семантики сингулярных термов, т. е. таких выражений языка, которые употребляются с целью обозначить единичный конкретный предмет, который, прежде всего, может чувственно восприниматься и быть компонентом нашей практики в физическом смысле, ведется уже несколько десятилетий. Но, как нам кажется, сущность сингулярных термов все еще во многом требует прояснения. Нужен ли анализ значения сингулярных термов инструментов, выходящих за пределы семантики? Если да, то к помощи каких инструментов необходимо прибегнуть? Далее излагаются некоторые соображения, которые помогут ответить на эти вопросы.

Методология и источники. Существует много подходов к решению поставленных проблем, начиная с философско-логических исследований Б. Рассела, М. Крессвела, Д. Каплана и других ученых и заканчивая работами лингвистов, например З. Вендлера, Д. Нинана, М. Швагер. В данной статье предпринимается попытка расширить методологию феноменологическим анализом и техникой дескрипции, в связи с чем мы обращаемся к концепциям Э. Гуссерля, А. Шюца, М. Мерло-Понти, Н. В. Мотрошиловой и др.

Результаты и обсуждение. К сингулярным термам автор относит различные языковые единицы, выделяемые в связи с той спецификой, которую имеет их употребление. Наделяя сингулярные термы особым статусом, мы вынуждены спросить себя о предпосылках «генезиса» таких термов. В работе были продемонстрированы необходимость и эффективность феноменологического метода в его пропедевтической и объяснительной функции по отношению к самому семантическому анализу сингулярных термов. Причиной тому оказывается тесная связь естественного языка и чувственного мира как данности, которую, как показало исследование, невозможно игнорировать.

Заключение. Замкнутость семантики в самой себе ограничивает возможности анализа естественного языка, в связи с чем кажется ясной необходимость обращения к феноменологии как методу. Автор попытался проиллюстрировать важность рассмотрения генетических аспектов употребления сингулярных термов и связь их предъязыкового генезиса с уникальностью статуса данных лингвистических единиц. Следовательно, есть веские причины обращаться к феноменологическому описанию восприятия и утверждать его концептуальную связь с семантикой сингулярных термов.

Ключевые слова: семантика, сингулярные термы, контекстуализм, феноменология восприятия, пропозициональные установки, теория значения

© Шкаброва М. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: работа выполнена в рамках проекта Русского общества истории и философии науки, поддержанного грантом РНФ (проект № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания»).

Для цитирования: Шкаброва М. В. Соотношение феноменологических черт восприятия с семантикой сингулярных термов в контексте установок вкуса и желания // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 41–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-41-52.

Original paper

Relation between Phenomenological Features of Perception and Semantics of Singular Terms in the Context of Taste and Desire Attitudes

Maria V. Shkabrova

*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia,
Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russia,
rojerdeep@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4335-0476>*

Introduction. The study of the semantics of singular terms, that is, such expressions of language that are used to designate a single concrete object, which, first of all, can be sensibly perceived and be a component of our practice in the physical sense, has been going on for several decades. But, according to the author, the essence of singular terms still needs to be clarified in many ways. Does analysis require the meaning of singular terms for tools outside the semantics? If so, what tools should be used? We would like to outline some considerations that may help in answering these questions.

Methodology and sources. A considerable number of works by famous researchers of the language are devoted to the disclosure and description of possible approaches to the problems of using singular terms (see, for example, the works of B. Russell, M. Cresswell, Z. Vendler, D. Ninan, M. Schwager, etc.). This article attempts to expand the methodology with phenomenological analysis and description, what explain the citation of M. Merleau-Ponty, A. Schutz, E. Husserl, N.V. Motroshilova, and others.

Results and discussion. On the one hand, we classify various linguistic units as singular terms, distinguished according to the specificity that their use has. On the other hand, endowing singular terms with a special status, we are forced to ask ourselves about the prerequisites for the «genesis» of such terms. The work demonstrated the necessity and effectiveness of the phenomenological method, which performs the propaedeutic and explanatory functions in relation to the semantic analysis of singular terms itself. The reason for this is the close connection between the natural language and the sensory world as a given, which, as the research has shown, cannot be ignored.

Conclusion. The closedness of semantics in itself limits the possibilities of analyzing a natural language, in connection with which it seems to us quite clear the actual need to turn to phenomenology. We tried to illustrate the importance of considering the genetic aspects of the use of singular terms and the relationship of their pre-linguistic genesis with the uniqueness of the status of these linguistic units. Therefore, we have good reasons to turn to the phenomenological description of perception and to assert its conceptual connection with the semantics of singular terms.

Keywords: semantics, singular terms, contextualism, phenomenology of perception, propositional attitudes, theory of meaning

Source of financing: the work was carried out within the framework of the project of the Russian Society for the History and Philosophy of Science, supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 21-18-00496 "The Semantic Structure of Propositional Attitudes of Consciousness").

For citation: Shkabrova, M.V. (2022), "Relation between Phenomenological Features of Perception and Semantics of Singular Terms in the Context of Taste and Desire Attitudes", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 41–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-41-52 (Russia).

Введение. Какие именно элементы естественного языка фигурируют в качестве сингулярных термов? Как пишет З. Вендлер, «можно сказать, что имена собственные и личные местоимения в единственном числе сами по себе являются сингулярными термами, не пользуясь для этого никакими дополнительными средствами и стилистическими особенностями» [1, р. 44]. К этому Вендлер добавляет, что имя нарицательное также может трансформироваться в сингулярный терм путем вмешательства «ограничительной фразы», в результате которого перед существительным появляется определенный артикль [1, р. 51]. На специфику его употребления указал уже Б. Рассел: «Определенный артикль, когда он используется строго, указывает на единственность» [2, с. 21]. Имена собственные и личные местоимения также предполагают единичность референта. Приняв во внимание данный признак, можно отнести к сингулярным термам и демонстративы, например указательные местоимения, и личные местоимения множественного числа постольку, поскольку они могут отсылать к конкретным предметам и общностям, характеризуемым как нечто целое и индивидуальное.

Методология и источники. Тема данной работы связана с анализом восприятия. Она является актуальной в контексте философской логики, лингвистики и частично эпистемологии, поскольку, как уже было сказано, большое количество проблем семантики возникают на стыке взаимодействия языка и эмпирического коррелята языковой единицы, а также ввиду философской проблемы Я и Другого, их взаимодействия. Теоретический материал, на который автор собирается опираться, принадлежит как авторам, ставшим классиками логико-философской традиции (Б. Рассел, Г. Фреге, Д. Льюис, Д. Каплан, Д. Фодор и др.), так и современным лингвистам (С. Ялджин, М. Швагер, Д. Нинан и др.). На наш взгляд, невозможно проигнорировать связь логических исследований с вопросом о восприятии самим по себе: какие этапы оно проходит, какие влияния со стороны объекта и субъекта испытывает, является ли неустранимой субъект-объектная бинарность, что зависит от среды, понимаемое не только в смысле вещественной предметности? Поэтому кажется естественным обращение к феноменологии. Это причина, по которой хотелось бы прибегнуть не только к обзору работ предтеч и «классиков» феноменологии, но и к более современным авторам, в частности В. Флюссеру и Ф. Дрецке. Феноменологический анализ восприятия может пролить свет на то, как возникают пропозициональные установки, предполагающие индивид и выражаемые поэтому с использованием сингулярного терма. Автор намеревается придерживаться прежде всего аналитико-синтетического метода, а также использовать феноменологическую дескрипцию в попытке поиска оснований процесса восприятия и его связи с генезисом языковых сущностей.

Результаты и обсуждение.

1. Сингулярные термы и индексы. Если имена собственные являются предметными константами, не требующими дополнительных лингвистических средств для указания на свои значения — индивиды, то значение демонстративов и личных местоимений вне контекста остается непроясненным, поскольку сами по себе эти единицы представляют собой переменные. Так, Д. Каплан констатирует зависимость от контекста содержания фраз с употреблением демонстративов [3], противопоставляя им «неизменные», устойчивые термы, названные У. Куайном индивидуальными концептами. Последние представляют собой функции от возможных миров в их предметные области (домены), т. е. сопоставляют языковой единице референт в каждом мире. Демонстративы тогда предстают как функции от говорящего к референту (например, для местоимения «я») или как идентифицирующие функции от времени и места (для «сейчас» и «здесь» соответственно). Теория таких функций расширяется аппаратом, позволяющим по интенционалу выражения определять его экстенционал (референт). Эти средства дают возможность формализовать зависимость значения высказываний от изменяющихся во времени и пространстве фактических обстоятельств. Кроме нее есть и так называемая индексальная зависимость, специфику которой показывает Д. Льюис¹: «Существует два вида зависимости истинности выражения от особенностей контекста: контекстуальная зависимость и индексальная зависимость. Контекст представляет из себя локацию — время, место и возможный мир, — в которой предложение произносится. Само оно имеет бесчисленное количество особенностей, детерминированных характеристикой данной локации. Индекс — это n -ное количество особенностей контекста, но не обязательно таких особенностей, которые сочетаются в любом возможном контексте. Так, индекс может выражать говорящего, любой момент времени до его рождения, возможный мир, где он и не родился вовсе, и так далее» [4, с. 79]. Подход Льюиса не лишен некоторой неоднозначности, однако можно обоснованно использовать следующую его интерпретацию: индексы являются набором переменных, которые в качестве своего значения получают контекстуальные операторы, так что неартикулированные в высказывании параметры контекста становятся артикулированными.

Термин «контекстуальный оператор» будем употреблять, следуя определению Ф. Дрекке [5], а именно: как элемент языка, который, будучи добавлен к высказыванию, изменяет его, преобразуя в новое высказывание, менее зависимое по своему значению от контекста. Так, если мы фиксируем возможный мир w^* , момент времени t^* и место пространство p^* , то индексы, контекстуально определяющие значение выражения, принимают значения, соответственно, w^* , t^* и p^* . Действительно, возможный мир, время и место определяют контекст, но сами от него не зависят, выступая в роли семантических условий, относительно которых определяются значения всех компонентов высказывания и производящих, так сказать, их «овнешнение».

Индексы, однако, не являются всегда эффективным средством. Например, индексируя выражение указанием на говорящего, мы сначала отсылаем к некоторому возможному миру,

¹ Льюис использует термин «контекст» в двух смыслах. Такое употребление возможно, но не вполне удачно и сегодня не используется. Первый смысл соответствует в изложении автора статьи фактической стороне дела в возможных мирах, второй — собственно контексту.

в котором он существует, и в этом мире говорящий может быть явлен разным людям и в разных ситуациях по-разному, а в каких-то мирах его может не быть вовсе, т. е. не всякий набор значений индексов обеспечивает обнаружение референта. При этом любое содержание языкового выражения, например отражающее определенный факт, можно раскрыть в привязке к контекстуальным операторам. По этому поводу Льюис пишет: «Когда истинность-в-английском зависит от предметной фактичности, она называется контингентностью. Когда она зависит от особенностей контекста, это – индексальность. Но нужно ли нам разделять их? Некоторые контингентные факты относятся к контексту, но любые ли? Каждый контекст укоренен не только в физическом пространстве, но и в логическом» [4, p. 82].

Не все высказывания индексально чувствительны, и в наибольшей степени это характерно для тех из них, которые содержат демонстративы. Классический пример Каплана звучит так: «Я сейчас здесь». Это выражение одновременно и всегда истинно, и полностью независимо от четырех условий: w, t, p, x – возможного мира, момента времени, места и субъекта высказывания соответственно¹. Признавая выражение «Я сейчас здесь» индексальным, мы предполагаем, что индексальная чувствительность всегда сохраняется, поскольку приведенная фраза при каждом новом произнесении, т. е. в каждой новой ситуации, может передавать различное содержание, или, говоря словами Каплана, различное «what is said» [3, p. 494].

Чувствительность может быть и параметрической. С. Ялджин обнаруживает, что индексальная чувствительность к контексту в стиле Каплана невосприимчива к тому, как соответствующее выражение встроено в языковую среду. Чувствительность эта «присутствует, несмотря ни на что. Содержание предложения, в котором имеется употребление местоимения Я, например, в общем случае чувствительно к контексту, даже когда это выражение максимально устойчиво» [6, p. 2]. В некоторых случаях, как показал Ялджин, при достаточном насыщении выражения языковыми единицами, артикулирующими условия интерпретации, чувствительность исчезает.

При анализе отраженной в индексах чувствительности высказывания замечаем, что многие параметры, от которых зависит значение фразы, имеют непосредственное отношение к субъекту высказывания или говорящему. Поэтому далее переходим к тому, каким образом данное отношение влияет на семантический анализ.

2. Субъект как часть контекста: от объективного смысла к предикатам вкуса. Феноменологический аспект проблемы открывается тогда, когда мы задаемся вопросом, каким образом осуществляется свойственная сингулярным термам референция к единичному объекту? Особенно интересным этот вопрос становится в связи с совершенно обычным в коммуникативной практике приписыванием субъекту высказывания пропозициональной установки, или пропозиционального состояния.

Роль субъекта в логико-семантическом анализе часто нивелируется. Отчасти «вычеркиванием» субъективного из анализа языка мы обязаны самому Г. Фреге. В работе «О смысле и значении» [7] он отождествляет чисто субъективное с представлением, поскольку последнее принадлежит исключительно конкретному человеку и является внутренним образом. При этом основа представления – индивидуальная память о чувственных переживаниях и обстоятельствах их возникновения. В результате, единичный смысл может оказаться связанным с

¹ Каплан причисляет эти семантические условия к индексам.

множеством представлений, которые, в силу своей принадлежности отдельному человеку, могут получить интерсубъективный характер в лучшем случае частично. Смысл, согласно Фреге, отличается от представления своей относительной независимостью от субъекта, поэтому смыслы, как и денотаты, будучи общими для многих субъектов, обеспечивают возможность коммуникации. Она, как отмечает Ф. Дрецке, имеет динамический характер, и элементы информации сосуществуют в потоке, отсылая один к другому, не теряя при этом своей полноты и самостоятельности, позволяющих осуществлять анализ их значений по отдельности [8]. Эта двойственность объясняется присутствием фигуры субъекта, когнитивная деятельность которого связывает отдельные элементы информации в движущийся поток.

Но не слишком ли существенная роль отводится здесь субъекту? Если вернуться к позиции Фреге, то представления как результаты когнитивной деятельности субъекта чаще всего оказываются глубоко связанными с его личностью и становятся объектами пропозициональных установок. Полагаем, что подобные представления, или образы, не являются вовсе непередаваемыми, поскольку тогда перед нами были бы не образы предметов и ситуаций, а ряды неустойчиво связанных ощущений и восприятий соответственно. Возникают они или нет, но они не порождают смыслов, которые могут становиться предметом коммуникации, тогда как мы имеем дело именно с тем, что становится таким предметом. Поэтому когнитивная деятельность субъекта, результатом которой является фрегевское «представление», несущее с собой вполне определенное содержание, в процессе смыслообразования соотносено с физической вещью как денотатом. Это подтверждается и ролью интерсубъективности как предпосылки порождения и циркуляции смыслов.

Внутренние образы являются носителями смысла также потому, что в них могут быть отражены отношения, в частности, между субъектом и объектом высказывания. Установки поддаются анализу и прочно связаны с контекстом высказывания, поэтому, говоря о «своем» представлении, мы подразумеваем не столько контекст, в котором возникает личная убежденность, сколько некоторое место пребывания смысла вообще. Важно, что смыслообразование – это результат не только вербальной деятельности, но, как отмечает Ф. А. Станжевский, «...на основе совместного внимания взаимодействие между субъектами принимает форму участвующего смыслополагания. Оно заключается в том, что само взаимодействие между индивидами порождает смыслы, недоступные каждому из индивидов по отдельности» [9, с. 90]. Он выделяет три уровня интерсубъективности, замечая, что, несмотря на непропозициональный характер интенциональности на первых двух уровнях, человек все равно способен схватывать смысловые содержания явлений, которые он воспринимает, и таков, например, феномен совместного внимания.

Субъект, будучи частью контекста высказывания, может непосредственно влиять на значение сингулярного термина и играть активную роль в формировании условий истинности. Яркий тому пример – суждения вкуса, в которых сингулярные термины отсылают к единичным объектам, являющимся нам в чувственном опыте. Это наблюдается даже там, где суждение выносится относительно вида объектов: «Маша полагает, что яблоки вкусные». Здесь интерпретация приведет к миру, в котором Маша сталкивается с конкретным яблоком. При этом следует учитывать дифференциацию возможных ролей субъекта, одна из которых – роль интерпретатора, другая – роль говорящего. Принципиальность данной демаркации – в семантическом анализе установок вкуса, подчеркивает Д. Нинан, указывая на два вида прочтения

предикатов вкуса [10]. Первое – так называемое экзоцентричное, когда спикер и субъект высказывания не совпадают, например, когда мы рассказываем, как кому-то понравился закат в Тибете или выражаем общее мнение о произведении искусства, которое не воспринимали непосредственно. В этих случаях не требуется знакомства с подразумеваемым объектом. Второе прочтение – аутоцентричное, где говорящий и субъект суждения совпадают. Чаще всего такие высказывания производятся от первого лица, поэтому предполагают первичное знакомство с объектом. Гипотетически это же условие можно попытаться распространить и на эпистемические установки, однако в задачи представленной статьи это не входит. Данный подход имеет прагматическое значение, поскольку явно учитывает контекстуальные параметры [10, р. 302].

3. Когнитивный контакт и его природа. В интерпретации сингулярных термов ключевым оказывается понятие отношения. Оно отражает как связь между пропозицией и вещью, так и связь субъекта с вещью, о чем уже частично упоминалось в предшествующем рассуждении. Здесь мы сталкиваемся с областью онтологических предпосылок и вопросами феноменологического характера, т. е. с тем, каков статус вещей, и с тем, как вещи нам являются. Эти вопросы становятся актуальными, когда мы обращаемся к значению термов *de re* в контекстах пропозициональных установок, таких как, например, уже упоминавшийся контекст суждений вкуса, схожий во многом с контекстом убеждения, и контекст желания. Частая ошибка, считает М. Крессвел, состоит в приписывании словам предустановленного и неизменного значения, якобы позволяющего прочитывать их всегда буквально [11]. Язык в действительности изменчив и подвижен постольку, поскольку его употреблению всегда предшествует некоторая данность. Мы предполагаем, что семантика строится на некоторой онтологической упорядоченности, базовой единицей которой являются даже не сами вещи как компоненты пропозиций, а отношения [12]. При отсутствии связей между объектами и субъектом язык либо выстраивал бы их абсолютно произвольно, либо, не находя их, не обладал бы способностью выражения. Грубо говоря, языку необходима объектная сетка: «Субъект, понимаемый как проект, реализует себя в практике проецирования – набрасывании и выявлении сети новых связей и отношений, новых объединяющих смыслов» [13, с. 106–107]. Ее общефилософское содержание можно выразить словами В. Флюссера «...в Новом времени можно различить две конвергирующие (хотя и имплицитные друг другу) тенденции. Одна тенденция – шаг за шагом демонтировать веру в надежность мира вещей, другая – веру в надежность субъекта в этом вещном мире, и теперь обе эти тенденции начинают сталкиваться друг с другом» [14, с. 67].

В связи с этим остановимся на оппозиции двух современных исследовательских направлений – нейропсихологического и экзистенциального. Флюссер действительно пишет о них по большей части в контексте философии Нового времени, однако сконцентрируемся на данных направлениях именно потому, что они продолжают активно воспроизводиться в современной науке (когнитивистика, нейробиология) и философии (например, физикалистская и функционалистская философия сознания). Цитируемый автор обращается в том числе к феноменологической интерпретации, уже выходящей за пределы новоевропейской метафизики¹.

¹ Также возникает вопрос (выражаю за него благодарность анонимному рецензенту) о том, какое отношение это имеет к теории использования языка рядовыми носителями? Полагаем, что именно феноменология с ее соотношением феноменологических черт восприятия с семантикой сингулярных термов в контексте установок вкуса и желания

Relation between Phenomenological Features of Perception and Semantics of Singular Terms in the Context of Taste and Desire Attitudes

Направление нейропсихологическое предполагает, что понимание того, как «чувственное» реализует для нас воспринимаемый мир посредством органов чувств, приходит через картину того, как «от нервных волокон принимаются точкообразные раздражения, а именно, по “цифровому” принципу: каждое отдельное раздражение либо принимается, либо отклоняется» [14, с. 67]. В итоге, мы сводим объект представления к набору утверждений и отрицаний. «Воспринимаемый мир является проекцией процесса обработки данных», причем «обработка данных восприятия происходит при всем том не в изолированной нервной системе, эта система состыкована с другими. Восприятие обрабатывается функциями других восприятий, которые каким-то образом сохраняются в системе. При этом оказывается, что сохраненные восприятия в значительной степени подпитываются от других нервных систем. Они – входные данные (Input) выходящих данных (Outputs) другой нервной системы» [14, с. 68].

С одной стороны, в таких формулировках косвенно подчеркивается важный аспект восприятия вещи, а именно – телесная включенность субъекта восприятия в, если можно так выразиться, пространственно-временную содержательно наполненную сеть взаимодействий, называемую обычно «миром» или «данностью». Феноменология интерпретирует явление мира достаточно разнообразно [15, 16], однако сейчас нам важно сконцентрироваться на его роли как среды телесного взаимодействия в перспективе смыслообразующей функции. М. Мерло-Понти пишет: «Собственное тело занимает в мире то же место, что и сердце в организме: оно постоянно поддерживает жизнь в видимом нами спектакле, оно его одушевляет и питает изнутри, составляет вместе с миром единую систему» [17, с. 261]. Можно ли тогда полностью удовлетвориться определением восприятия вещи как некоторой совокупности «точкообразных раздражений»? Опираясь на феноменологию восприятия, мы рассматриваем такой взгляд как неадекватный. Предпочтительнее говорить не о совокупности, а о «пучке объективных корреляций», «живом соединении» [17, с. 262–263], в которых воспринимаемая вещь предстает изначально целой, как и собственная телесная идентичность Я. Также, поскольку субъект способен проектировать смыслы и распространять их через язык, они приобретают конвенциональный характер и становятся «общим местом», что является условием актуализации интерсубъективности.

Здесь берет слово второе направление – экзистенциальное. Согласно Флюссеру, «феноменологические изыскания показывают, что познание есть конкретный феномен, из которого лишь задним числом экстраполируются субъект и объект познания. Они показывают, что конкретный “жизненный мир” есть место взаимосвязи...» [14, с. 69]. Убежденность в наличии предустановленного значения для каждого существующего объекта можно было бы поэтому назвать своеобразным догматическим предрассудком [17, с. 263]. Однако каким образом можно выразить подвижность значения, коррелируемую с подвижностью тела воспринимающего Я? В данной статье была попытка проиллюстрировать такую возможность в контексте параметрической чувствительности выражения в семантическом анализе

дескриптивным подходом и обращением к опыту восприятия (и психического в более широком смысле) ближе всего как раз к естественной практике понимания и оперирования выражениями и значениями. Введение «объектной сетки», в том числе косвенно присутствующее у Флюссера, согласуется, по нашему мнению, с феноменологическими притязаниями в поле теоретизирования. Мы можем усмотреть данную структуру, редуцитивно приостановив бытийную веру в мир.

пропозициональных установок вкуса. Подобные же средства используются в интерпретации установок желания, например при возникновении проблемы третьего прочтения [18].

Объясним суть проблемы на следующем примере:

Нина хочет купить слона, как у Раджеша.

«Классически» это предложение можно прочесть двумя способами. В первом случае имеется конкретный слон, на которого будет нацелено желание Нины, во втором случае Нина, напротив, будет руководствоваться соответствием слонов свойству «быть как у Раджеша», не имея ввиду никакого особого слона. Суть третьего прочтения заключается в компромиссном сценарии, согласно которому (1) Нина в действительности не имеет в виду никакого конкретного слона (в результате чего первая трактовка становится неподходящей), в то же время (2) не имея никаких намерений найти соответствия свойству «быть как у Раджеша» (следовательно, и второй случай не отражает ситуации). Остается неясным, как следует формально выразить условия истинности рассматриваемого предложения. М. Швагер, опираясь на идеи М. Крессвела и А. фон Штехова, вводит отношение «когнитивного контакта», возникающего тогда, когда индивид находится в некотором конкретном отношении исключительно к некоторой вещи, так что отношение это идентифицирует вещь. Такой когнитивный контакт дает индивиду весьма сложное для семантической интерпретации свойство [19, р. 405]. Это в полной мере отражает идею, согласно которой в контекстах желания интенциональный объект (понимаемый в широком смысле) может быть не всегда действительно существующим в актуальном мире, но тем не менее сознаваться субъектом желания, так сказать, неспецифическим образом. Поэтому лучше было бы говорить не о вещи и ее «образе», впадая в некоторую двусмысленность, а о феноменах и способах их явления в ситуации, когда я нечто желаю.

Заключение. При постановке вопроса о семантике сингулярных термов, которая представлена в статье, становится доступным использование феноменологического метода. Выражаясь словами Э. Гуссерля, «где бы мы ни говорили о явлении, мы всегда подразумеваем тех субъектов, которым нечто является, но одновременно – и те моменты их психической жизни, соразмерно которым явление имеет место как явление чего-то, и последнее есть именно являющееся в нем» [20, с. 302]. Тактика рассмотрения объекта, входящего в пропозицию установки вкуса, убеждения или желания, меняется, и объект этот не интерпретируется более как «куст» свойств, соответствующих или не соответствующих его действительным атрибутам. Объект возникает в работе воображения, возвращающего, с одной стороны, реальное или мнимое фрегевское представление об объекте, а с другой – дающего предвосхищение новых ситуаций знакомства с ним как осуществления уникального отношения, или когнитивного контакта. Последний, имея своим коррелятом нейропсихологическое состояние, дан субъекту в его внутреннем опыте, включенном в поток коммуникативных смыслов и значений, отсылающих к конкретным ситуациям произнесения и связанным с ними задачами говорящего.

Таким образом, семантика, допускающая лишь один род индивидов, в указанном выше смысле ограничивает анализ значения выражений естественного языка. Главным обстоятельством, заставляющим обращаться к феноменологии, является отсутствие общей теории

значения (для каждого частного случая можно придать решение, хотя бы ценой сведения *de re* к *de dicto* посредством артикуляции в языке всех условий интерпретации выражения *de re*), которая охватывала бы все интересующие нас проблемные случаи. Как представляется, связано это как раз с тем, что план субъективного опыта, который можно раскрыть феноменологически, остается в стороне. Другой вопрос состоит в том, что феноменальное не может так просто стать элементом семантической теории, но стоит напомнить, что та же семантика возможных миров появилась именно как следствие формализации некоторой ментальной модели, по своей природе метафорической. Пока невозможно сделать окончательные выводы, но, вероятно, феноменологическая разработка восприятия может дать ценные модели для семантики. Автор попытался проиллюстрировать важность рассмотрения генетических аспектов употребления сингулярных термов и связь их предъязыкового генезиса с уникальностью статуса данных лингвистических единиц. Следовательно, у нас есть веские причины обращаться к феноменологическому описанию восприятия и утверждать его концептуальную связь с семантикой сингулярных термов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, NY: Cornell U, 1967.
2. Рассел Б. Об обозначении // Избранные труды / пер. с англ. В. В. Целишева, В. А. Суворовцева. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009. С. 18–32.
3. Kaplan D. *Demonstratives* // *Themes from Kaplan* / eds. by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford Univ. Press, 1989. P. 481–563.
4. Lewis D. K. *Index, context, and content* // *Philosophy and Grammar* / eds. by S. Kanger, S. Öhman. Amsterdam: Reidel, 1980. P. 79–100.
5. Dretske F. *Epistemic operators* // *J. of Philosophy*. 1970. Vol. 67 (24). P. 1007–1023. DOI: 10.2307/2024710.
6. Yalcin S. *Parametric context-sensitivity*. 2019. URL: <https://static1.squarespace.com/static/551f03bce4b0bf9fbfefa27c/t/5dcd99f2d2cd1f47c5329f85/1573755380972/oxfordstudies.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).
7. Фреге Г. О смысле и значении // *Логика и логическая семантика* / пер. с нем. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–247.
8. Dretske F. *Knowledge and the Flow of Information*. Cambridge, MA: MIT Press, 1981.
9. Станжевский Ф. А. Неатрибутивное, непропозициональное восприятие ментальных состояний другого человека как основа интересубъективного взаимодействия // *Экономический вектор*. 2016. № 1 (4). С. 90–102.
10. Ninan D. *Taste predicates and the acquaintance inference* // *Proc. of SALT 24*. 2014. P. 290–309. DOI: 10.3765/salt.v24i0.2413.
11. Cresswell M. J. *Structured meanings: the semantics of propositional attitudes*. Cambridge, Mass., London: The MIT Press, Bradford Books, 1985.
12. Raud R. *Being in Flux: A Post-Anthropocentric Ontology of the Self*. Cambridge: Wiley, 2021.
13. Степанов М. О деавтономии: тезисы после конца истории // *Синтез современности: руины ГАХН и постдисциплинарность* / под ред. Н. Сазонова, А. Хеннинг. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2021. С. 99–121.
14. Флюссер В. О проецировании / пер. с нем. М. Степанова // *Хора*. 2009. № 3–4. С. 65–76.
15. Шюц А. О множественности реальностей / пер. с англ. А. Корбута // *Социологическое обозрение*. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34.
16. Мотрошилова Н. В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // *Вопросы философии*. 2007. Вып. 7. С. 102–112.

17. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Наука, Ювента, Gallimard, 1999.
18. Fodor J. D. The Linguistic Description of Opaque Contexts: Dr. Sci. (Philosophy) dissertation / Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, 1970.
19. Schwager M. Speaking of Qualities // Proc. of SALT 19. 2009. P. 395–412. DOI: <https://doi.org/10.3765/salt.v19i0.2534>.
20. Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Избранные работы / под ред. В. А. Куренного. М.: Территория будущего, 2005. С. 297–340.

Информация об авторе.

Шкаброва Мария Васильевна – студентка магистратуры (1-й курс) Института философии человека РГПУ им. А. И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, 191186, Санкт-Петербург, Россия. Участница проекта Русского общества истории и философии науки. Сфера научных интересов: феноменология восприятия, философия сознания, метафизика процесса, логика, семантика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.11.2021; принята после рецензирования 14.02.2022; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. Vendler, Z. (1967), *Linguistics in Philosophy*, Cornell U, Ithaca, NY, USA.
2. Russell, B. (2009), "About designation", *Izbrannyye trudy* [Selected writings], Transl. by Tselishev, V.V. and Suvorovtsev, V.A., Sib. univ. izd-vo, Novosibirsk, RUS, pp. 18–32.
3. Kaplan, D. (1989), "Demonstratives", *Themes from Kaplan*, in Almog, J., Perry, J. and Wettstein, H. (eds.), Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 481–563.
4. Lewis, D. (1980), "Index, context and content", *Philosophy and Grammar*, in Kanger, S. and Öhman, S. (eds.), Reidel, Amsterdam, NLD, pp. 79–100.
5. Dretske, F. (1970), "Epistemic operators", *J. of Philosophy*, vol. 67 (24), pp. 1007–1023. DOI: 10.2307/2024710.
6. Yalcin, S. (2019), *Parametric context-sensitivity*, available at: <https://static1.squarespace.com/static/551f03bce4b0bf9fbfefa27c/t/5dcd99f2d2cd1f47c5329f85/1573755380972/oxfordstudies.pdf> (accessed 25.12.2022).
7. Frege, G. (2000), "Über Sinn und Bedeutung", *Schriften zur Logik und logischen Semantik*, Transl. by Biryukov, B.V.; in Kuzicheva, Z.A. (ed.), Aspekt Press, Moscow, RUS, pp. 230–247.
8. Dretske, F. (1981), *Knowledge and the Flow of Information*, MIT Press, Cambridge, Massachusetts, USA.
9. Stanzhevskiy, F.A. (2016), "On-propositional and non-attributive grasping of the other's mental states as the basic form of intersubjective interaction", *Economic Vector*, no. 1 (4), pp. 90–102.
10. Ninan, D. (2014), "Taste predicates and the acquaintance inference", *Proceedings of SALT 24*, pp. 290–309. DOI: 10.3765/salt.v24i0.2413.
11. Cresswell, M.J. (1985), *Structured meanings: the semantics of propositional attitudes*, MIT Press, Bradford Books, Cambridge, Mass., London, USA.
12. Raud, R. (2021), *Being in Flux: A Post-Anthropocentric Ontology of the Self*, Wiley, Cambridge, UK.
13. Stepanov, M. (2021), "About deautonomy: theses after the end of history", *Sintez sovremennosti: ruiny GAKhN i postdisiplinarnost'* [Synthesis of modernity: the ruins of the State Academy of Arts and Sciences and postdisciplinarity], in Sazonova, N. and Khenning, A. (eds.), Izd-vo inst. Gaidara, Moscow, RUS, pp. 99–121.
14. Flusser, V. (2009), "Vom Projizieren", Transl. by Stepanov, M., *Khora*, no. 3–4, pp. 65–76.
15. Schütz, A. (2003), "On multiple realities", Transl. by Korbut, A., *Russian Sociological Review*, vol. 3, no. 2, pp. 3–34.

16. Motroshilova, N.V. (2007), "Concept and the conception of the vital world of Husserl's late philosophy", *Current Issue*, no. 7, pp. 102–112.
17. Merleau-Ponty M. (1999), *Phénoménologie de la Perception*, Transl. by Vdovina, I.S. and Fokin, S.L., Nauka, Yuventa, Gallimard, SPb., RUS.
18. Fodor, J.D. (1970), "The Linguistic Description of Opaque Contexts", Dr. Sci. (Philosophy) dissertation, Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, USA.
19. Schwager, M. (2009), "Speaking of Qualities", *Proceedings of SALT 19*, pp. 395–412. DOI: <https://doi.org/10.3765/salt.v19i0.2534>.
20. Husserl, E. (2005), "Amsterdam Lectures", *Izbrannye raboty* [Selected works], Kurennoi, V.A. (ed.), Territoriya budushchego, Moscow, RUS, pp. 297–340.

Information about the author.

Maria V. Shkabrova – Student Master's (1st year) at the Institute of Human Philosophy, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. Participant of the project of the Russian Society for the History and Philosophy of Science. Area of expertise: phenomenology of perception, philosophy of consciousness, metaphysics of the process, logic, semantics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 25.11.2021; adopted after review 14.02.2022; published online 22.04.2022.*